

И. И. Ясинский

Н. С. Лесков

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/leskov/yasinskiy_leskov.html.

Николай Семенович Лесков - писатель очень крупного масштаба и своеобразного лица.

Когда я первый раз вошел в литературный кружок Василия Степановича Курочкина в 1870 году, имя Лескова, писавшего под псевдонимом Стебницкого, было у всех на языке. О нем говорили с презрением и отвращением и даже уверяли, что он служит агентом в Третьем отделении, то есть что он шпион.

Началось это гонение на Лескова в период пожарной эпидемии, которая в 1861-1862 годах прокатилась по всей России, а в Петербурге разразилась знаменитым пожаром Апраксина двора. Тогда чернь успели убедить, что поджигают студенты. Такое обвинение являлось результатом негодования правительства на либеральные течения, вдруг развившиеся в русской интеллигенции и начавшие проникать в мещанские и рабоче-крестьянские круги.

Студентов сделали предметом общественной ненависти с провокационной целью, чтобы показать, куда может повести "необузданная" свобода. Пусть правительство ослабит только вожжи, как начнут гореть города, а мужики, воодушевляемые студентами, пойдут с топорами в руках и с горящими пучками соломы громить и жечь дворянские усадьбы.

Лесков, у которого душа была отроду злая и подозрительная, решил, как он мне объяснил потом, раскопать, откуда идет такое обвинение, вскрыть нарыв тонким дипломатическим скальпелем и потребовал в газете "Северная почта" - полуофициальном органе правительства, чтобы участие студентов в поджоге было возможно беспристрастнее расследовано. Такое требование, однако, было приравнено к действительному обвинению студентов в поджоге Апраксина двора. Строго говоря, у Лескова не было такого намерения, но он уж очень перемудрил, перехитрил. Под видом беспристрастия, под видом непоколебимой веры в честность полиции, желая накрыть ее собственным ее хвостом, он впал в тон доносителя, может быть, неожиданно для самого себя. Перо водило по бумаге, а он представлял себе градоначальника, который стоит перед ним, и он ему докладывает:

- Надо же в самом деле быть осмотрительнее в своих подозрениях и только тогда дозволить публике говорить об этом в положительном смысле, когда действительно окажется обвинение правдоподобным, основанным на каких-нибудь фактах!

- Слушаю-с! - говорит градоначальник.

Когда письмо появилось в газете, все отшатнулись от Лескова, и легенда о его службе в Третьем отделении с быстротой молнии распространилась и держалась на протяжении многих лет.

В 1878 году князь Урусов, известный адвокат и знаток и любитель литературы, высылавшийся одно время из Петербурга за участие в Нечаевском процессе, не верил доносу Лескова или его службе в охранке, но, приглашая меня к себе на вечер, предупредил, что он заранее желает знать, как я отношусь к Лескову, потому что, если я отношусь к Лескову недоброжелательно, он его к себе не пригласит, хотя и считает его писателем, достойным уважения.

уверил его, что ничего не имею против Лескова, но другие гости Урусова, как Арсеньев, Стасюлевич и Утин, не согласились встретиться с автором письма о поджогах и таких романов, как "Некуда" и "На ножах".

Кстати об этих романах. Такие критики, как Скабичевский, работавший в радикальных органах, и другие, помнившие хорошо, что представляло собой литературное общество в шестидесятых годах, говорили мне, что на самом деле в этих романах фактически все верно: жили коммунарами на одной квартире люди обоего пола и нередко состояли в "коммунальном" браке. Тут они называли мне имена очень видных писателей, но гневались на Лескова за его тон. Он над всем этим издевался со своей "изуверской усмешечкой" и частным случаям придавал в своих повествованиях и описаниях общий характер.

Действительно, когда перечитываешь "Некуда" и "На ножах", приходишь в трепет от неистовой злобности, с какой романист выдвигает своих действующих лиц и заставляет читателя отступать перед их нутром, вывернутым наружу беспощадным ножом сочинителя. Все у него на ножах, а он сам еще, как мясник, орудует ножом над ними; тем не менее ужасающее по силе черных красок дарование Лескова не может быть опровергнуто. Он писатель единственный в своем роде.

Тут интересно сопоставить Достоевского и Лескова, которые, надо заметить, были именно сами на ножах друг с другом. Достоевский также не щадил человека, въедаясь в его сердцевину и показывая,